

ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО ПРОГРЕССА ВО ВЗГЛЯДАХ П.Н. МИЛЮКОВА

DYNAMICS OF HISTORICAL LEGAL PROGRESS IN THE VIEWS OF P.N. MILYUKOV

A. Perepetchina

Annotation

Historical and philosophical views of PN Milyukova largely revealed in his criticism of the Slavophiles. Slavophile idea finally exhausted itself, "Slavophilism has died and has risen," believed Miliukov. At the same time he himself was in no hurry to rank as Westerners. Miliukov did not associate himself or to Westerners, nor to the Slavophiles, including their spores 40–70 years out of date. Most slavjanofilstvo provoked criticism Milyukova idea of "fixed identity" of the Russian people. In his mind the cultural and historical types of no more than a historical milestone in the path of all the nations. He also rejects the Slavophiles to the community as an expression of the Russian idea. The community in the liberal interpretation of PN Miliukov – it is also a natural process of fixing the landlords peasants, and not a manifestation of the national spirit.

Keywords: history, politics, law, Milyukov, government.

Перепечина Анна Ивановна

МАОУ СОШ № 19,

учитель русского языка,

литературы и истории

Аннотация

Историко–философские взгляды П.Н. Милюкова во многом раскрываются в его критике славянофилов. Славянофильская идея окончательно себя исчерпала, "славянофильство умерло и не воскреснет", полагал Милюков. При этом сам себя он не спешил причислять к западникам. Милюков не относил себя ни к западникам, ни к славянофилам, считая их спор 40–70 годов устаревшим. Больше всего славянофильство вызывало критику Милюкова идеей "неподвижной самобытности" русского народа. В его мысли культурно–исторические типы не более чем вехи на историческом пути всех народов. Отвергает он также и взгляд славянофилов на общину как на выражение русской идеи. Община в либеральной трактовке П.Н. Милюкова – это также естественный процесс закрепления крестьян помещиками, а не проявление народного духа.

Ключевые слова:

История, политика, право, Милюков, государство.

Павел Николаевич Милюков позже признавался, что еще с гимназической скамьи причислял себя к противникам славянофильства и показывал сторонником прозападнических идей. Так, кружок гимназистов, куда входил и юный Павел, поручил ему написать письмо Достоевскому по поводу событий в Охотном ряду в 1876 г. Ответ Федора Михайловича, призывавший в поиске выхода обратиться к русскому народу, "в котором наше спасение", а не к Европе, разочаровал гимназистов. Еще более поразило "резкое противопоставление народа Европе". "Мы не знали, – вспоминал П.Н. Милюков, – что Достоевский смирился перед тем народом, который он узнал на каторге, признав его богоносцем, и что в бессознательном православии русского народа он видел его всемирную миссию. Как быть насчет православия, мы не решали, но Европы мы выдать не могли – и не только не видели никакого противоречия между народом и Европой, но, напротив, от Европы ждали поднятия народа на высший культурный уровень. А Достоевский призывал искать идеал в традициях Охотного ряда и возвращаться к временам телесных наказаний и крепостного права, как к школе смирения русского народа перед Христом" [6]. Конечно, в его оценке позиции Достоевского много упрощения, но интересно, что точка зрения Федора Михайло-

вича была охарактеризована кружком как реакционная, что "это то же самое, что пишет Катков в "Московских ведомостях".

Несмотря на заявления, что идея всемирного прогресса его не удовлетворяет [5], лидер кадетов утверждал единство хода исторического процесса как в целом, так и в развитии его отдельных факторов. В основе всех национальных историй он признавал общие социологические законы и в "бесконечном разнообразии национальных существований" – сходные и общие всем им "элементы социального развития". Тем не менее, по своим взглядам на исторический путь России Милюков очевидный западник в том мнении, что европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанный условиями среды. Он полагал, что наше место в Европе, а не в Азии [6].

Оценку реформ Петра Великого как неизбежный результат развития российской истории П.Н. Милюков усваивает у Соловьева достаточно рано, еще с университетской скамьи. В своей кандидатской диссертации Павел Николаевич Милюков стремился показать подготовленность, органичность Петровской реформы предыдущим развитием. Здесь он вступает в полемику с взглядом

славянофилов, представлявшим действие личности Петра I "как элемент насилия над нормальным ходом русской истории". Диссертант сам элемент насилия не отрицал, признавал Павел Николаевич также, что личность Петра ускорила реформу. Поэтому основной задачей работы он ставит необходимость "выделить элемент органичности реформы и элемент насилия – и определить степень влияния последнего, разделив при этом элемент необходимого и элемент случайного. "Меня потом упрекали, – писал Милюков, – в умалении роли Петра, не понимая моей основной цели – стать при оценке реформы над упрощенным, ставшим банальным, противопоставлением неподвижной самобытности – и насильственной ломки" [7].

В контексте этого постулата Милюков утверждал, что сфера влияния Петра была весьма ограниченной; реформы разрабатывались коллективно, а конечные цели преобразований осознавались царем лишь частично, да и то опосредованно ближайшим окружением.

При оценке самостоятельности Петра в реформаторской деятельности Милюков акцентирует внимание на его одиночество при проведении преобразований. Подобная идеализация образа первого российского императора, связанная с усилением слабости его государственного аппарата, выгодна была Милюкову для центральной мысли работы, что насильственный характер хода реформ был полностью обусловлен внешними факторами.

Впрочем, исходя даже из описания Петра самим Милюковым, складывается иное впечатление. Не слабость окружения и незрелость кадров, что гармонировало бы с общей картиной Милюкова, были причиной реформаторского одиночества Петра, а его природное недоверие к окружающим, выражающееся, в том числе, в недоверии к их способностям и методам решения задач. В людях Петр ценил, прежде всего, преданность, ни на один ответственный пост он не ставил действительно подходящих людей, а "назначал фигурантов, ничтожества, не имевших никакого понятия о деле, которое должны были делать". Уравновешивая ситуацию, Петр приставлял к ним опытных иностранцев, специалистов, "которые собственно и делали дело" [5]. Такой тиранизм Петра привел его к необходимости за всем следить самому. Отчего реформа, по собственному признанию Милюкова, во многом отражала характер и знания самого царя-реформатора.

Следующий тезис, который выдвигает лидер кадетов в защиту естественного хода реформ – спонтанность петровских преобразований. По мысли Милюкова, в реформе Петра Великого отсутствовал единый план и система, Петр не всегда знал конечный итог своих преобразований, а значит, не мог совершить и идеологического насилия. "Другими словами, личное его влияние на реформу сильно сокращалось в размерах при этом условии" [7]. Одновременно с этим Милюков делает вывод, что если "в этой примитивной натуре не было твердого скелета мысли", то, следовательно, не было и доктринерства, значит реформа не является результатом личного теоретизирования царя.

Подобный вывод представляется некоторым упрощением вопроса. Отсутствие плана в действиях императора Петра вовсе не исключает слепого, бездумного копирования, а значит и элемента насильственной ломки национальных традиций. Тем не менее, на протяжении ряда страниц Павел Николаевич старательно изображает политические просчеты и прожекты Петра, "черты, которые напоминают расточительность природы в ее стихийном творчестве, а не политическое искусство государственного человека" [5].

Следующим утверждением Милюков пытался парировать критику Хомяковым сословного раздора, который совершил Петр, собрав вокруг себя элиту и лишив императорского покровительства массы. Дворянство же узурпировало эту привилегию, "разлучило простой народ с царем" и разрушило соборные принципы развития государства. Подобная оценка негативной роли Петра Первого и идея самобытности народных начал приводит А.С. Хомякова к утверждению: прежний уклад сохранился в низших сословиях – народе, новый охватил высшее сословие. Как следствие, произошел "разрыв в умственной и духовной сущности России... между ее самобытной жизнью и ее прививным просвещением" [7]. Перенесение на русскую почву иностранных порядков привело к расколу, разорвало общество на антагонистические группы, оторвало привилегированные слои от народа.

Отстаивая свой взгляд о естественном ходе реформ, П.Н. Милюков говорит об отсталости России, неподготовленности масс к общению с Европой. По его мнению, Петру I "пришлось" спешно окультуривать народные массы. Поскольку же в рамках страны в короткое время с этим не справиться, то окультурены были только социальные верхи. Милюков признает, что это было началом отделения массы от правящих групп. Однако единство еще сохранялось, поскольку "все происходило в пределах одного и того же религиозного мирозерцания" [4].

Настоящую же причину разделения, поразившего российское общество после Петра I, Милюков видит в церковной реформе патриарха Никона 114. Поскольку церковная реформа проводилась административными методами, при поддержке правительства, то подозрение народа обратилось и на правительство. "Все что было в народе искренне верующего, ушло тогда из правительственной обновленной церкви в "старую веру", которую новая церковь (выделено мной – А.П.) поспешила объявить расколом (схизмой)" [3].

В связи с этим можно отметить частые негативные отзывы Милюкова о синодальной Церкви. Церковь для него послушный "цепной пес" реакционного правительства. В свою очередь, он идеализирует среду раскола: там искренне верующие, живой дух, народная совесть и т.д. Более того, в среде раскола продолжались некоторые проявления юного национального искусства, которые "господствующая церковь не только не поощрила, но отнеслась к ним подозрительно и осудила их" [4]. Еще до Петра, полагает П.Н. Милюков, вместе с раскольниками "живой дух ушел из официальной церкви (выделено

мною)" [6], т.е. порабощение Церкви государству произошло задолго до Петра. В этот кульминационный момент и явился Петр. Верхи общества и высшее духовенство в схеме лидера кадетов уже оторвались от народа, и там образовалась культурная пустота, "которая получилась вследствие ухода паствы от пастырей". Поэтому, считает Милюков, "смелая реформа церкви – на протестантский манер" далась Петру так легко. Именно раскол Милюков называет первым этапом возникновения официальной веры в противовес вере народной. Это торжество официальной веры над верой народной он оценивает как победу, еще за полвека до Петра, критических элементов над националистическими, "это была победа бюрократической канцелярии над народной психологией" [5]. Правительство приняло точку зрения иностранцев, "киевлян и греков, и вслед за духовной властью, объявившей русское национально-религиозное движение расколом и проклявшей его, – с своей стороны объявило участие в этом движении государственным преступлением, подлежащим каре светского закона" [2].

Таким образом, никоновский раскол внес раздвоение в народное сознание, "совесть была сломлена". Бюрократия, высшее духовное и светское чиновничество были, таким образом, в полном распоряжении Петра. Разделение общества на социально-неравные группы и религиозная реформа на протестантский манер с последующим обмирщением, были заложены в обществе еще задолго до Петра и, следовательно, стоят в русле эволюционного национального процесса и в этом смысле она в русле традиции и направлена на ее развитие. В этом ключе, делает вывод П.Н. Милюков, реформа "глубоко национальна, как национален был и сам Петр" [4].

Милюков регулярно подчеркивает мысль, что реформы Петра I не могли бы так легко осуществиться, и не могли так долго существовать их плоды, если бы они шли вразрез с существующей национальной традицией. Если бы, считает Милюков, Петр действительно оказался таким насильником, каким его изображают противники, то реформа не уцелела бы. "То обстоятельство, – делает вывод Милюков, – что она (реформа – А.П.) уцелела и развилась после Петра уже не насильническим, а добровольным методом, само по себе доказывает, что европейский путь не был чужд России" [7].

В оценке выводов, к которым приходит Милюков, прежде всего следует учитывать, что источники об этой

эпохе немногочисленны, и большинство из них отражают точку зрения просвещенных иностранцев, а не наших соотечественников. Еще можно согласиться с Милюковым, где он рассуждает о необходимости внешних реформ в их подражательной форме, в сфере армии, флота, экономики. И то следует учитывать, что мы не знаем другого варианта реформ, чтобы в сравнении сделать вывод об их идентичности нуждам времени и народным ожиданиям. Но там, где Милюков говорит о соответствии религиозной и культурной реформ национальным традициям, возникает недоумение. Религиозная традиция и культура не возникают на пустом месте, и там, где мы говорим об их возникновении, происходит культурный и духовный слом. Насколько это оправдано, показывает время. Ко времени Павла Николаевича Милюкова социальные брожения и духовный упадок в обществе были очевидны, поэтому ответственность за эту сферу деятельности Петра I Милюков возлагает на его предшественников. Впрочем, П.Н. Милюков сам признает, что реформа, подготовленная "всем прошлым развитием России и составляя логический результат этого развития, реформа Петра с другой стороны, и при нем еще не находит достаточной почвы в русской действительности, а потому и после Петра во многом надолго остается формальной и видимой" [3].

П.Н. Милюков делал вывод, что европеизация России это не продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, лишь задержанный условиями среды. Милюков утверждал естественность хода реформ Петра I и ограниченность его воздействия на них. Ломку же национальных традиций он находил не в деятельности Петра Великого, а в церковной реформе патриарха Никона, которая поделила российское общество на раскольников, сохранивших национальный дух и правительственную церковь. К моменту прихода Петра, высшее общество и духовенство, по мнению Милюкова, уже оторвались от народа. Поэтому, полагал он, религиозная реформа на протестантский манер с последующим обмирщением, были заложены в обществе еще задолго до Петра и, следовательно, стоят в русле эволюционного национального процесса. Подобный эволюционный подход в интерпретации исторического процесса делал неизбежным анализ значения религиозного и национального факторов в истории, поскольку в рамках дискуссии того времени, внутренние законы отечественной истории рассматривались в контексте значения религии и нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. Ч. 3. 442 с.
2. Милюков П.Н. Петр I Алексеевич Великий / ЭСБЕ. СПб., 1898. С. 487–495.
3. Милюков П.Н. Петр Великий и его реформа (К двухсотлетней годовщине) // История и историография России. Из научно-литературного наследия русского зарубежья. М.: Русский мир, 2006. Т. III. 560 с.
4. Милюков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев / Вопросы философии и психологии. М., 1893. Т.V. Кн.3 (18). С.46–96.
5. Милюков П.Н. Воспоминания: В 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 1. 445 с.
6. Милюков П.Н. Воспоминания: В 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 2. 445 с.
7. Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. М.: Медиум, 1994. Т. 2. 478 с.